

С.В. Глебова, А.О. Мотронюк, Е.А. Овчинникова

ПРОБЛЕМЫ КОЛЛЕКТИВНОГО НРАВСТВЕННОГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ В РУССКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ ТРАДИЦИИ*

Аннотация. Русская этическая традиция тесно связывает идею нравственного совершенствования с ролью коллектива в процессе нравственной эволюции, следовательно, ставит в зависимость представления о нравственном развитии морального агента от понимания общественного прогресса. В статье проведен анализ трактовок социальных, культурных и этических условий нравственного совершенствования общества и места моральной личности в учении В.С. Соловьева, русском космизме и марксистско-ленинской доктрине. Выявлено общее требование отечественных философов к развитию моральной личности соотносительно с пониманием конечной цели коллективного совершенствования. Телеологический характер русских философских доктрин в значительной степени определяет подчиненное положение моральных индивидуумов. С этим связаны этические проблемы полного или частичного осуществления перечисленных моральных доктрин, внутренние противоречия их теоретических установок. Критически рассматривается понимание «коллективизма» как этической ценности при безальтернативном подчинении личности целям общества, что весьма актуально в рамках сегодняшних представлений о культурно-образующих ценностях.

Ключевые слова: нравственное совершенствование, нравственный прогресс, В.С. Соловьев, космизм, марксизм, моральный агент.

Глебова Софья Валерьевна – кандидат философских наук, ассистент Института философии СПбГУ.

Мотронюк Александр Олегович – магистрант Института философии СПбГУ.

Овчинникова Елена Анатольевна – кандидат философских наук, доцент Института философии СПбГУ.

* Публикация подготовлена в рамках проекта РНФ «Трансформации морального агентства: этико-философский анализ» № 22-28-00379.

Введение

Проблема нравственного прогресса, его путей, целей, источников – один из принципиально открытых вопросов как для отечественного, так и зарубежного этического знания. В последние десятилетия эта проблема актуализируется прежде всего в зарубежных исследованиях в связи с развитием новых технологий, изменяющих общественную реальность, научными исследованиями в области биологического нравственного совершенствования человека, морального агента в сфере искусственного интеллекта и др. Однако, как нам представляется, с теоретической точки зрения проблема нравственного прогресса выстраивается в категориальной классической парадигме: в контексте проблем нравственного совершенствования, определения морального агента/субъекта, общественного и индивидуального, моральных целей, ценностей, идеалов и т.д. В истории этической мысли уже были представлены разнообразные концепции нравственного прогресса – от оптимистичного взгляда до полного отрицания возможности самой постановки проблемы. В современной литературе проблематикой нравственного прогресса занимается особое направление, которое представлено в работах таких авторов, как П. Сингер, С. Пинкер и др. В русской философской мысли идеи нравственного прогресса были представлены весьма разнообразными теориями, что позволяет в процессе их анализа выявить основные дискуссионные проблемы, актуализировать эти идеи в контексте современных этических запросов.

Отечественная традиция преимущественно смотрит на проблему нравственного прогресса с оптимистической и коллективистской точки зрения. Вопросы коллективности весьма характерны для русской философской традиции, поэтому можно считать данный подход к проблеме традиционным для русской мысли. В связи с этим особенно интересно рассмотреть место индивидуального морального агента в рамках коллективного нравственного совершенствования и выявить его роль в процессе коллективного нравственного прогресса, как это представлено в учениях русских философов. В качестве материала исследования выбраны этические теории, в которых проблематизируется нравственный прогресс: концепция Богочеловечества В.С. Соловьева, космизм К.Э. Циолковского и русский марксизм.

Идеи В.С. Соловьева о «Богочеловечестве»

Первым в русской философии четко обозначил проблему нравственного совершенствования человечества В.С. Соловьев,

который рассматривал процесс нравственного прогресса в контексте достижения состояния «Богочеловечества». Соловьев был уверен в очевидности нравственного развития всего человеческого социума. Нравственное чувство философ связывал с ориентацией человека на Другого, с чувством жалости, которое приводит к альтруистическим действиям, а в современной литературе трактуется как эмпатия. Современные исследователи отмечают, что человечество становится в целом более эмпатично. Это подчеркивается в теориях нравственного прогресса, в работах С. Пинкера («Все лучшее в нас») [3], П. Сингера («Расширяющийся круг») [4] и др. Современные исследователи уверены, что для объединения человечества, расширения круга эмпатии конкретного морального агента вовсе не обязательно иметь внешнего врага (например, в виде персов, русских, азиатской расы) и даже национальную идею, имеющую целью мировое совершенствование. Пинкер утверждает, что посредством просвещения, чтения человек становится способен посмотреть на мир чужими глазами, принять Другого через свои собственные мысли и эмоции [3, с. 234].

Согласно Соловьеву, по мере развития общества и расширения его границ «нравственный кругозор личности... несомненно, расширяется существенным образом» [13, с. 345]: увеличивая круг близких (своих) людей, человек формирует нравственное чувство, входит в общественное пространство. Первой ступенью, источником нравственного чувства русский философ признает семью, так что человек никогда не остается один, далее его представления расширяются на род (Соловьев даже относит появление религиозного чувства к первым представлениям об ушедших предках) и еще шире – на государство.

Определяя общество как «организованную нравственность», Соловьев усматривал возможность избежать двух крайностей – «морального субъективизма, отнимающего у нравственной воли реальные способы ее осуществления в общей жизни, и социального реализма, по которому данные общественные учреждения и интересы имеют решающее для жизни значение сами по себе, так что вышние нравственные начала оказываются в лучшем случае лишь средствами или орудиями для охранения этих интересов» [13, с. 394]. По мысли Соловьева, личность и общество неразрывно связаны между собой, образуя «лично-общественное» единство.

Процесс нравственного развития, совершенствования «лично-общественного», путь Добра, по мнению философа, детерминирован, определен. Он признавал нравственный детерми-

низм и отмечал, что нравственный прогресс неизбежен, но при этом утверждал, что именно от каждого конкретного человека зависит выбор между физическим, психическим и нравственным детерминизмом именно в пользу нравственного. А целью нравственного развития он считал достижение состояния всеобщности в рамках христианских представлений о морали, которое, с одной стороны, характеризуется единством всех людей, преодолением смерти (в т.ч. физической), а с другой, сохранением самостоятельной личности. После глубокого анализа устройства «муравьиной общности» Соловьев отмечает: «...если мы не согласны каждому из бесчисленных муравьев, копошащихся в наших лесах, сейчас же предоставить все права человека и гражданина, то, значит, есть у человека другой существенный признак, не зависящий от общности, а, напротив, обуславливающий собою отличительный характер человеческого общества. Этот признак состоит в том, что каждый человек, как такой, есть нравственное существо, или лицо, имеющее независимо от своей общественной полезности безусловное достоинство» [13, с. 399]. Далее Соловьев несколько раз ставит обязательным условием нравственности применение кантовского императива в формулировке «никакой человек ни при каких условиях и ни по какой причине не может рассматриваться как только средство» [13, с. 399]. Таким образом, философ стремился выйти к решению проблемы антиномичности морали, которую впоследствии представит с своим исследованием О.Г. Дробницкий [1], – соотношения в морали общественного и личного.

В логике построения «Оправдания добра» присутствует, на наш взгляд, выход от метафизических этических проблем к прикладным проблемам этики. От рассмотрения общей идеи добра Соловьев переходит к анализу «собирающего добра», общественной нравственности, которая может быть представлена в различных сферах социальной жизни. Так появляются размышления об экономике, нравственности и праве, уголовном вопросе, проблеме смертной казни, смысле войны и др. Эти темы рассматриваются философом в контексте проблемы нравственного прогресса человеческого общества. Не ставя задачу дать исчерпывающий анализ этих разделов «Оправдания добра», остановимся на тех из них, в которых, на наш взгляд, с наибольшей очевидностью и полнотой представлены взгляды философа на исторический прогресс человеческого общества.

Во многом процесс нравственного развития Соловьев связывал с институтами права и формированием системы между-

народных экономических отношений. Наиболее значительным достижением законодательного творчества он называет отмену крепостного права в России и отмену рабства в Америке, закрепление в законе невозможности иметь другого человека в собственности, что, по мнению философа, влечет за собой два важнейших следствия: 1) закрепление в сознании людей невозможности использовать другого человека в качестве инструмента; 2) опровержение такого понимания, согласно которому имущество является чем-то священным и неприкосновенным [13, с. 403]. Имущество должно быть лишь основой для того, чтобы человек, удовлетворив свои физические потребности, мог задуматься о «человеческом». Так, Соловьев заключает, что посредством законодательства «основные требования справедливости и человеколюбия... были перенесены из тесных и шатких пределов субъективного чувства на широкую и твердую почву объективной действительности – и превращены в общий и обязательный закон жизни» [13, с. 389].

Следующим условием, позволяющим перейти человечеству еще на одну ступень ближе к Богочеловечеству, Соловьев называет экономическое развитие. С одной стороны, человечество еще не обеспечило всех людей минимальным имуществом для решения их проблем, а классовое неравенство на момент написания работы ощущалось в значительной мере. С другой стороны, к XX в. в экономике человечество достигло значительных успехов. В главе «Смысл войны» Соловьев отмечает, что именно вследствие установления всемирной экономической системы «выработалось в теле человечества общее чувствилище (*sensorium commune*), вследствие чего каждый частный толчок ощутительно производит всеобщее действие» [13, с. 555].

Главу о национальном вопросе Соловьев посвящает анализу национализма и национальных идей. Автор приходит к выводу, что национальная идея крайне важна. Сложно (да и нужно ли) спорить с исходным тезисом главы, что любовь к своей стране – это необходимый шаг для формирования нравственного чувства у моральной личности. В контексте данного рассуждения весьма логично звучит вывод о том, что, «преодолев нравственную волею бессмысленную и невежественную национальную вражду, мы начинаем лучше знать и ценить чужие народности, они начинают нам нравиться» [13, с. 438]. Поэтому, отмечает философ, национальные идеи становятся определяющими для нации только тогда, когда нации имеют своей целью все человечество и идея, которую они преследуют, направлена на весь мир.

В этой же главе Соловьев затрагивает проблемы колонизации испанскими конкистадорами Латинской Америки, где определяет этот процесс как «положительную услугу» для мирового развития, соглашаясь с превосходством христианской религии по сравнению с «мерзостями и ужасами сатанического язычества, перед которыми все-таки бледнеют ужасы инквизиции» [13, с. 430]. Сложно подобрать аргументы, при которых такое развитие событий совпадало бы с принципом «никогда не использовать человека как средство». В целом автор, увлеченный идеей прогресса человечества, явно выделяет христианскую часть мира в качестве превосходящей над остальными. В примечаниях к национальной идее Англии также обнаруживается попытка оправдать колонизацию Индии: «Теперь обученные в английских школах индусы начинают говорить... о тяготах английского владычества и необходимости национального объединения и освобождения. Отчего они не догадались об этом раньше? Дело в том, что такие понятия, как национальность, народный дух, народное достоинство, патриотизм, солидарность, развитие, получены ими только от англичан» [13, с. 433].

При дальнейшем рассмотрении описания Соловьевым путей нравственного прогресса создается ощущение, что автор либо допускает достижение общественного состояния принудительными методами, либо требование о самоценности человеческого достоинства достижимо только в условиях общественного состояния. Безусловно, главы «Национальный вопрос с нравственной точки зрения» и «Смысл войны» по своему характеру во многом исторические, однако, определяя войну и подчинение одних народов другим, философ находит в них высший смысл и оправдывает эти явления. Отмеченные проблемы были предметом критики уже со стороны современников (достаточно в этом контексте упомянуть известную полемику Соловьева и Б.Н. Чичерина на страницах журнала «Вопросы философии и психологии» о «принудительности добра»). А дальнейшее развитие идей Соловьева встречается в работе И.А. Ильина «О сопротивлении злу силой».

В войне Соловьев находит некоторые полезные для общественного прогресса явления. Он сравнивает войну с болезнью организма, которая выявляет «фактические несомненные расстройства». Соответственно, войны могут быть также полезны при «внутренних болезнях человечества». Начиная свой анализ с Древней Греции, он отмечает, что война с персами привела к объединению греческих полисов, их духовному подъему.

Далее, война, затеянная Римской империей, имела целью объединить мир, а наполеоновские войны «способствовали движению и распространению общеевропейских идей» [13, с. 555].

Соловьев неоднократно подчеркивает, что «война есть безусловное зло», однако далее в его рассуждениях неизбежно следует «но...». Следуя выстроенной им логической цепочке, Соловьев утверждает, что «внешние войны между отдельными государствами приводили затем к созданию более обширных и сложных культурно-политических тел» [13, с. 559]. В случае представления конечной цели как нового общественного состояния Богочеловечества это является безусловным прогрессом. Присутствует у него и попытка совместить войну с принципом «никогда как средство», в некотором роде оправдать решения начать войну. Соловьев полагает, что на войне отсутствует намерение убийства, особенно этому способствует изобретение дальнобойного орудия, используя которое, солдат и тем более командир не видят противника [13, с. 620]. Возможно, в начале его применения такие представления отчасти имели под собой основания, когда пространства для сражений специально расчищались и жертвы среди мирного населения в процессе войны сводились к минимуму, а жертвовать жизнью, согласно Соловьеву, могли лишь те, кто разделял представления о справедливости конкретной войны [13, с. 561]. Однако остается нерешенной проблема убийства на войне (Соловьев впоследствии продолжает эту тему в работе «Три разговора...»). И отсутствие врага в поле видимости, как представляется, вовсе не снимает с человека ответственности за прекращение другой жизни. Из истории начала XXI в. мы знаем, что дальнобойное и оружие массового уничтожения приводит к «расчеловечиванию», сведению человека к «военной цели» и далее – к катастрофическим жертвам и военным преступлениям.

Тем не менее, определяя главной целью истории нравственное совершенствование человечества в целом, Соловьев допускает нравственный регресс конкретных моральных агентов, поставленных на службу объединения человечества. Кажется, что «неоспоримое достоинство» человека теряется в попытке объединения всего общества. Можно действительно рассматривать войны как симптомы нравственной болезни общества, но в таком случае все приведенные Соловьевым аргументы свидетельствуют как раз об обратном: не столько о слиянии всего человечества в единый «муравейник», сколько о том, что за глобальными нравственными целями человечество все явственнее обнаруживает конкретного индивида.

Итогом размышлений Соловьева о нравственном совершенствовании и прогрессе, на наш взгляд, выступает мысль, сформулированная автором «Оправдания добра» в заключении работы: «В запросе нравственного совершенства уже дана общая идея абсолютного Добра – его необходимые признаки. Оно должно быть всеобъемлющим или содержать в себе норму нашего нравственного отношения ко всему» [13, с. 639]. Совершенствование для Соловьева связано с осуществлением Добра. Понятие нравственного прогресса представлено прежде всего как прогресс общественный: «нравственный прогресс соответствует прогрессу общественному» – с этой мысли начинается историческая часть работы главы «Историческое развитие лично-общественного сознания в его главных эпохах». Далее Соловьев переходит к «прикладным вопросам» этики, рассматривая проблемы общественной жизни – экономики, национального вопроса, нравственности и права, смысла войны. Таким образом, в «Оправдании добра» представлено стремление автора дать целостную картину нравственного совершенствования личности и нравственного прогресса общества, при котором «степень подчинения лица обществу должна соответствовать степени подчинения самого общества нравственному добру, без связи с которым общественная среда никаких прав на человека не имеет» [13, с. 639]. Философ заключает свои размышления следующими словами: «От общественной, или собирательной, стороны в нравственной организации человечества по существу ее неотделимо и участие личного начала. Человечество совершенствуется, или нравственно организуется в различных сферах своего бытия, не иначе как чрез деятельность личных носителей верховных жизненных начал» [13, с. 639].

К.Э. Циолковский о достижении «совершенной жизни» на Земле

Совсем иначе на проблему нравственного развития человечества смотрит другой отечественный философ, представитель русского космизма и «отец» советской космонавтики – К.Э. Циолковский. Прежде всего стоит отметить, что внимание мыслителя сконцентрировано на теме космоса. Так, Циолковский говорит о существовании жизни не только на планете Земля, но и других планетах: «Много общего между планетами разных солнечных систем: они составлены из одних и тех же веществ, при достаточной величине имеют моря и атмосферы, освещены лучами солнц, подвержены силе тяжести, имеют сутки и времена года. Почему бы на них не зародиться жизни,

как она зародилась на Земле! Правда, на отдаленных от светящегося светила планетах холодно, а на близких к солнцу – жарко. Но планет у каждого солнца множество. Некоторые из них должны находиться, подобно Земле, на благоприятном расстоянии от светила и потому должны быть пригодны к жизни» [15, с. 23].

Процесс зарождения жизни на других планетах, по мнению Циолковского, может занимать миллиарды лет с момента наступления благоприятных условий. Жизнь на таких планетах начнется так же, как и на Земле: с простейших организмов, которые в определенный момент начнут приспосабливаться к условиям среды, а если окружающий мир станет изменяться, сама жизнь сохранится. Обязательным условием для зарождения жизни философ определяет наличие атмосферы, т.е. планета должна обладать газовой оболочкой, иначе примитивные организмы будут не способны зародиться.

Размышления Циолковского о жизни на других планетах приводят его к вопросам о том, как происходило развитие жизни на нашей планете и чего стоит ожидать от человечества в будущем. Человек, по мнению русского философа, прошел «великий путь от “мертвой” материи к одноклеточным существам, а отсюда к своему теперешнему полуживотному состоянию» [15, с. 24]. Наука, техника, социальное устройство общества и сам человек стремительно развиваются – и этот прогресс остановится не скоро.

Важно отметить, что, согласно Циолковскому, сам человек мало изменился: «Те же остатки животных страстей, инстинктов, слабость ума, рутинность. В отношении общественного развития он даже уступает муравьям и пчелам» [15, с. 25]. Однако люди ушли заметно дальше, чем животные. Человек нравственно несовершенен и подчинен животным потребностям, но его разум способен с этим справляться. Несовершенство людей есть причина их развития.

Циолковский связывает нравственное совершенствование человека с прогрессом в научно-технических и социальных сферах. В своем прогнозе русский мыслитель предрекает объединенное, разумное и умеренное общество, в котором прекратятся все войны: «Счастлирое общественное устройство, под сказанное гениями, заставит технику и науку идти вперед с невообразимой быстротою и с такою же быстротою улучшать человеческий быт. Это повлечет за собою усиленное размножение» [15, с. 25]. Человек сможет подчинить себе природу, ему станет подвластно изменение климата, рельефа земли, исполь-

зование бескрайних запасов воды в океанах и многое другое. Циолковский был уверен, что жизнь людей станет счастливой и беззаботной: «Картину душевного мира будущего человека, его обеспеченности, комфорта, понимания вселенной, спокойной радости и уверенности в безоблачном и нескончаемом счастье – трудно себе представить» [15, с. 26]. Огромный скачок в научно-техническом прогрессе даст возможность человеку колонизировать другие планеты.

Однако следует заметить, что стремление к гармонии вселенной оказывается специфическим в учении Циолковского. Как писал С. Лемм, «Мы вовсе не хотим завоевывать космос, хотим только расширить Землю до его границ» [6, с. 112]. Вот и Циолковский предполагает наличие «несовершенной жизни», рассуждая о солнечной системе с позиции «земных» ценностей и оценок: «Техника будущего даст возможность одолеть земную тяжесть и путешествовать по всей солнечной системе. Посетят и изучат все ее планеты. Несовершенные миры ликвидируют и заменят собственным населением» [15, с. 26]. В философских рассуждениях Циолковского человек и на Земле подходит к ее ресурсам потребительски (изменяя климат и рельеф в соответствии с собственными потребностями), и в космосе станет жестоким колонизатором, уничтожающим другие, еще не развитые миры: «Где на планетах встретят пустыню или недоразвившийся уродливый мир, там безболезненно ликвидируют его, заменив своим миром. Где можно ожидать хороших плодов, там оставят его доразвиваться» [15, с. 28]. Такое поведение в отношении отсталых планет Циолковский считает присущим и для других высокоразвитых форм жизни: «Также рассуждали и сеятели высшей жизни. Кое-где уничтожали зачатки примитивной жизни или уродливо развившейся, кое-где ждали хороших плодов и обновления жизни космоса» [15, с. 29]. Применение данных методов мыслитель оправдывает господством разума и высшими общественными организациями во Вселенной. Разум говорит о том, что нет необходимости в ожидании большого количества лет для развития несовершенной жизни, проще неудачные живые организмы уничтожить и заселить планету более развитыми существами.

Философия Циолковского строится на позициях монизма. Мыслитель убежден, что единицей жизни является атом и что понятие «атом» совпадает по своей сути с «Я» (атом есть обезличенное «Я», которое обретает свою индивидуальную суть в организме). И атом, и «Я» не должны подвергаться страданиям, в этом и есть цель разума, согласно доктрине мыслителя. Сам

атом путешествует между совершенными и несовершенными мирами: попадая в наш мир, он оказывается в теле животного или человека и подвергается насилию, мукам, болезням и смерти. По мнению русского мыслителя, любая жизнь начинается с атома (обезличенного «Я»), который обретает душевные свойства, как только попадает в организм. Атом существует непрерывно. «Разум есть то, что ведет к вечному благосостоянию каждого атома. Разум есть высший или истинный эгоизм» [15, с. 30].

Одним из главных тезисов этической концепции Циолковского является следующая идея: «Этика космоса, т.е. ее сознательных существ, состоит в том, чтобы не было нигде никаких страданий: ни для совершенных, ни для других незрелых или начинающих свое развитие животных» [16, с. 57].

Циолковский полагает, что разумное устройство Вселенной стремится к достижению совершенства и приводит к уничтожению страданий. Более того, по его мнению, в космосе существует только совершенная жизнь, но Земля является исключением, ее нельзя отнести к совершенным мирам: «Хотя оно и составляет ничтожный процент в общей гармонии, но все же этот процент существует: кое-где есть зарождающиеся миры, как Земля, – с животными, несовершенными людьми и муками» [17, с. 4].

Циолковский считал, что достижение жизнью на Земле совершенства может быть осуществлено после определения «в человечестве самого умного, самого знающего человека. Чтобы он понимал то, что изложено в монизме, и даже больше того. Он может опровергнуть монизм и дать совершенно новые идеи» [17, с. 5]. Вероятно, понимая всю ответственность, которая будет возложена на самого умного человека, волю которого нужно будет беспрекословно выполнять, от которого, по сути, будет зависеть всеобщее благосостояние человечества, философ не приводит никаких конкретных признаков этого «мессии». Выходит, что данная «совершенная» личность способна определить лучшее социальное устройство общества, решить проблему с перенаселением планеты при помощи экспансии Солнечной системы и предостеречь людей от мысли об убийстве крайне строгим методом: «Если убийца имеет детей, то и дети его, живя на свободе и с женами, лишаются потомства. Если есть внуки и правнуки, то и те подвергаются той же участи. Будет чистое человечество, без мысли об убийстве. При особых дарованиях убийц закон этот ограничивается. Животные также уничтожаются (по возможности милосердно), в противном случае мы рискуем жить животною, т.е. несознательною, жиз-

нию» [17, с. 10]. Видимо, предполагая, что склонность к убийству формируется исключительно генетически, Циолковский все же допускал исключения в том случае, если нарушитель особенно талантлив, однако, опять же, не предлагал критериев данной «исключительности».

Для воплощения цели разума, по мнению Циолковского, следует признать необходимость запрета на убийства: «Не убивать ни при каких условиях: ни на войне, ни в драке, не убивать калек, несовершеннолетних, преступных, убийц, воров, насильников, нарушителей закона – никого и никогда» [17, с. 5]. Но здесь сразу возникает противоречие: предполагается, что из-за запрета на убийства несовершенная жизнь начнет размножаться и вытеснит совершенную жизнь. Циолковский предлагает решить эту проблему следующим образом: «...все вредное мы уединим, отделим, изолируем, не мстя ему и по возможности заботясь о нем, во-вторых, мы лишим их возможности продолжить свой род. Они могут жить с женами, но жены, благодаря легкой операции, будут бесплодны... То же относится и к животным: их роды совсем уничтожатся через разлучение полов. Низшие же вредные существа, насекомые, бактерии, негодные растения уничтожатся повышением температуры, газами или чем другим» [17, с. 7]. Такие методы, по мнению русского мыслителя, являются наиболее безболезненными и способствуют сокращению и полному исчезновению несовершенной жизни на Земле. Лучшие же представители нашего мира должны будут усиленно размножаться.

Циолковский считал половые распутства, безбрачие и многоженство пороками человека, доказывая, что все это является неестественным. Это «величайшие преступления», которые приводят к бесплодию и болезням. Люди, склонные к вышеперечисленным порокам, должны быть также изолированы, что приведет к их полному уничтожению.

Во взглядах Циолковского можно усмотреть евгенические подходы к решению проблемы нравственного совершенствования, которые были весьма характерны не только для русской мысли 1920-х гг., но захватывали умы многих мыслителей и ученых того времени. Идеи социально-биологического улучшения нравственности в настоящее время довольно часто актуализируются в различных концепциях – как философских, так и естественнонаучных, которые представляют одно из направлений размышления о нравственном прогрессе, его факторах, целях и методах.

Осуществление социальной эволюции в марксизме

В конце XIX – начале XX в. в русской мысли идеи нравственного прогресса были предметом не только теоретических дискуссий, но и касались практических вопросов политической жизни, и прежде всего вопроса о том, каким должно быть общество, в котором не будет нравственных пороков, а основными принципами станут справедливость, равенство, стремление к общественному благу. В этот исторический период русская мысль прошла через освоение марксистского наследия, не только изучая и трансформируя его с учетом определенных исторических запросов, но и выстраивая на основе этой теории социальную политику и государственную власть.

В революционную эпоху теоретическим основанием идеологических исканий в России выступает марксизм. Следуя марксистской традиции, русская мысль обратилась к социальному бытию морали. Критический дух марксизма привел к радикальному отрицанию этики, которое основывалось на положении из «Немецкой идеологии», знаменитой фразе о том, что «коммунисты не проповедуют никакой морали» [8, с. 236]. Маркс относил мораль к тем аспектам, которые с достижением последней ступени исторического развития общества перестанут существовать. Однако принцип организации бесклассового общества, экономическая модель, сама «цель» исторического развития сводятся в конечном счете к этическим категориям. Весь исторический процесс, описанный немецким философом, должен был привести к высшему общественному благу – установлению справедливости.

Несмотря на то, что значимость этической теории в марксизме подчас кардинально отрицается и последняя рассматривается как устаревшее с исторической и политической точек зрения «морализаторство», мораль тем не менее выступает определенным инструментом формирования нового общества и совершенного человека. Образ будущей совершенной нравственности ярко представлен в речи В.И. Ленина «Задачи союзов молодежи» (1920): «В основе коммунистической морали лежит борьба за укрепление и завершение коммунизма... Мы говорим: нравственность – это то, что служит разрушению старого эксплуататорского общества и объединению всех трудящихся во круг пролетариата, созидającego новое общество коммунистов... Когда нам говорят о нравственности, мы говорим: для коммуниста нравственность вся в этой сплоченной солидарной дисциплине и сознательной массовой борьбе против эксплуататоров.

Мы в вечную нравственность не верим и обман всяких сказок о нравственности разоблачаем. Нравственность служит для того, чтобы человеческому обществу подняться выше, избавиться от эксплуатации труда... В основе коммунистической нравственности лежит борьба за укрепление и завершение коммунизма» [5, с. 413]. Ленин призывал молодое поколение воспитывать в себе новую, коммунистическую мораль, обращаясь к молодежи, он сформулировал главную моральную задачу: «Вы должны воспитать из себя коммунистов... Надо, чтобы все дело воспитания, образования и учения современной молодежи было воспитанием в ней коммунистической морали» [5, с. 409–410]. Эти строки Ленина на многие годы определили нравственные цели и задачи советского общества, будущее нравственного прогресса.

Марксизм был изучен русской мыслью весьма основательно, различные школы русского марксизма не раз становились предметом анализа в исследовательской литературе. Обратимся к некоторым идеям, прозвучавшим в революционной русской мысли 1920–1930-х гг.

Л.Д. Троцкий в статье «Их мораль и наша» открыто выступил за отказ от того, чтобы руководствоваться моральными принципами, навязанными буржуазией, в рамках борьбы пролетариата за справедливость [14]. Примерно о том же писал и А.В. Луначарский в докладе «Мораль с марксистской точки зрения»: «Всякий собственник стремится вырасти, расширяться; отсюда каждый буржуа, согласно положения Смита, грезит о том, чтобы прикарманить себе чужое. С другой стороны, он не желает, чтобы чужой прикарманил себе его добро. Поэтому он склонен к тому, чтобы ему все было можно, но другие были бы связаны правилами» [7, с. 21]. Очевидно, здесь предполагается, что такой «лицемерной моралью» можно пренебречь ради установления настоящей.

Марксистов не устраивала и теория Л.Н. Толстого «непротивления злу насилием», поскольку она предполагала принятие зла, отказ от борьбы за нравственные идеалы: «Моралисты из “высших классов” говорят: “отойди от зла, сотворишь благо”. Мораль пролетариата говорит: “отходя от зла, ты все-таки продолжаешь поддерживать его существование; надо уничтожить зло, чтобы сотворить благо!”» [9, с. 527]. В марксизме приоритетом провозглашалось революционное, т.е. скачкообразное развитие общества, подразумевающее социальный и нравственный прогресс, формирование нового типа личности, а в конечном счете – создание бесклассового общества, установление коммунизма.

В марксизме господствовал взгляд на мораль, согласно которому ее основанием является социально-экономическое устройство общества. Соответственно, моральным признавалось лишь то, что было уместным в текущих исторических условиях. Так, Г.В. Плеханов доказывал несостоятельность любых других (например, религиозных) оснований морали, кроме социального строя [11, с. 310], а А.В. Луначарский в 1925 г., подобно Циолковскому, отмечал, что человеческую, несовершенную мораль «необходимо взять на переделку», «критически к ней отнестись» [7, с. 23].

Русские марксисты критиковали и расчетливый, «бухгалтерский» утилитаризм, и аскетизм как следствие объективного идеализма. Взамен А.В. Луначарский предлагал формат «гигиенической морали»: «...человек имеет право на всякое наслаждение, кроме тех, которые ему приносят явный вред» [7, с. 26]. В рамках таких представлений человек отдает себе отчет в том, что он часть коллектива, а потому отвечает не только за свою собственную жизнь, но и за результат общественного труда, за «производство» следующих поколений. И вот уже на этом этапе Луначарский оставляет открытыми вопросы, которые неизменно должны были возникнуть при использовании его «гигиенической» морали, например могут ли пролетарий, марксист позволить себе курить. Луначарский лишь замечает, что пролетарий должен взвесить ответственность, вред для здоровья организма и генетики. Также остается неразрешенным вопрос о том, нужно ли давать отпуск важному сотруднику коллектива, когда его участие в общем деле является необходимым: «Он обращается к своим товарищам с просьбой: “Я мог бы, отдохнув, принести гораздо больше пользы позднее, чем теперь, работая без перерыва”. Очень часто партия говорит: “Хоть и надо тебе отдохнуть, заменить тебя некем, тяни свою лямку”, и коммунист остается на своем посту с глубоким сознанием своей высоты, своего уровня, достаточного для того, чтобы быть подлинным членом своей общности. Но партия может сказать и так: “Нам хотя и трудно заменить тебя, но нам нужно тебя сохранить, сделать из тебя большую силу, поезжай, отдохни, полейся или поучись”» [7, с. 29]. Очевидно, что сознание «своей высоты» действительно важно и приятно для работника, однако достаточно длительное время «подлинным членом своей общности» на таких условиях быть затруднительно.

В итоге стремления к общему счастью Луначарский, как и его предшественники, сторонники коллективного нравственного прогресса, упускает из виду индивида с его свободой воли,

индивидуальными представлениями о целях, моральных принципах и счастье – т.е., собственно, то, что составляет понятие морального агента, что позволяет *моральному* агенту быть частью коллективного *нравственного* совершенствования. Возводя в абсолют исторические и социальные условия, русские марксисты низводили человека до социального элемента: «Не субъективный разум личности, а объективная логика общественных отношений диктует личности то или другое поведение» [12, с. 451]. Можно сказать, что они фактически лишали индивида самостоятельности и ответственности за принятие им моральных решений.

Однако вывод о том, что в вопросах морали русские марксисты придерживались исключительно редукционистских решений, был бы ошибочным. Подчас они четко осознавали и подчеркивали сложность и противоречивость проблемы соотношения нравственного прогресса общества и безусловных моральных оснований личности. Так, наблюдая за ходом Первой мировой войны, Плеханов отмечал, что международный пролетариат обязан признать категорический императив Канта и право на самоопределение, это «составляет необходимое предварительное – психологическое и политическое – условие социалистической революции» [10, с. 160].

Анализ взглядов русских марксистов и опыта построения социалистического общества позволяет выделить ряд значимых теоретических проблем в их концепциях нравственного прогресса. Первая – проблема нравственного идеала, понимаемого прежде всего как образ коммунистического будущего, как идеал общественный. Вторая проблема – это пути и методы достижения идеала. Третья – личностный идеал коммуниста, партийца, строителя нового общества. Четвертая проблема – вопрос о соотношении идеи нравственного прогресса и идей эволюционного развития, совершенствования и революционности (революционного изменения политического и социального устройства, кардинального изменения природы человека и т.д.).

Итоги

Проведенный анализ морально-этических концепций русской философской мысли позволяет сделать вывод о том, что признание высшей ценности общественности, коллективной нравственности является традиционным для русской культуры. Однако нельзя однозначно оценить идею подчинения морального агента нравственному прогрессу общества. Мораль действительно является формой отношения человека к миру, в

результате которого появляются Другой, общество и коллектив. Предмет нравственного отношения к миру для морального человека действительно лежит в обществе, в другом человеке. В рамках нравственных отношений моральный агент стремится к гармоничным взаимоотношениям с окружающими.

Более того, сама идея коллективного нравственного прогресса не лишена как исторических, так и метафизических оснований. Мы рассмотрели аргументы в пользу того, что нравственный прогресс реально существует, что процент насилия с ходом исторического развития снижается, а общество стремится к более справедливой организации социальных процессов. К тому же, следует признать, что для человека естественно принимать этические представления современного ему общества в качестве своих собственных.

Проблема коллективного нравственного развития появляется в тот момент, когда провозглашается конкретная цель нравственного совершенствования: будь то слияние в Богочеловечестве, искусственная регуляция эволюции по принципу отбора «недостойных» или реализация социального устройства, отрицающего возможность самостоятельного выбора моральным агентом своего пути. Как только в рамках представлений о коллективном нравственном развитии формируется идея, которая признается единственно правильной и достижение которой оправдывает страдания отдельных моральных агентов (силами которых этот нравственный прогресс и подразумевается осуществить), в обязательном порядке обнаруживаются внутренние противоречия этического порядка. Разрешение такого рода противоречий практически невозможно: «Нет никакой предустановленной гармонии между объективными и субъективными предпосылками социального развития, и несоответствие этих предпосылок может порождать глубочайшие трагические противоречия» [2, с. 32–33]. Поставленная во главу всего прогресса конкретная цель отсекает все остальное разнообразие представлений и нравственных ориентиров моральных агентов, ограничивая их в нравственном выборе и отрицая возможность их личного нравственного совершенствования.

Мораль по своей сути действительно представляет собой отношения человека с обществом. Как человек, принимая общественные нормы, ограничивает себя в своем выборе ради блага другого или общества в целом, так и в рамках нравственных отношений предполагается, что общество помнит о благополучии его элементов – индивидов, проявляет к ним уважение и заботится о справедливом распределении благ между ни-

ми. В противном случае речь пойдет уже не об общественной морали, а о системе идеологии, где от морального агента потребуются жертвы ради достижения цели, которую он сам, скорее всего, не желает достигать. Разговор о нравственном прогрессе в таком случае сводится к выбору тех моральных агентов, представления о благе которых совпадают с общей целью. А все остальные, «недостойные» лишаются возможности попасть в обозначенное светлое будущее. Назвать такой прогресс нравственным становится затруднительно.

Размышления о нравственном прогрессе как общественном явлении заставляют и сегодня задуматься над сущностью нравственности и вновь приводят к дискуссиям о возможности постановки проблемы прогресса нравственности, о соотношении понятий прогресса и нравственного совершенствования, о прогрессистских идеях в современных философских и естественно-научных концепциях. Идеиные искания русских философов, напряженные полемические рассуждения, попытки выйти из теоретического поля к социальной реальности, сформировать цели и ценностные ориентиры нравственного прогресса – все это наследие русской мысли несомненно может быть актуализировано и востребовано в контексте современных этических дискуссий об общественной морали и нравственном совершенствовании личности, этике перфекционизма, биологическом нравственном улучшении человека, перспективах нравственной жизни общества и моральном агентстве цифровой эпохи.

Литература:

Исследования

1. *Дробницкий О.Г.* Понятие морали // Моральная философия. Избранные труды. М. 2002. С. 86–116.
2. *Кузнецов Н.В.* Субъективное и объективное в этике марксизма // Вестник СПбГУ. Сер. 6. 2011. Вып. 2. С. 31–37.
3. *Пинкер С.* Лучшее в нас: Почему насилия в мире стало меньше. М.: Альпина нон-фикшн, 2020.
4. *Singer P.* The Expanding Circle: Ethics, Evolution, and Moral Progress. Princeton: Princeton University Press, 2011.

Источники

5. *Ленин В.И.* Задачи союзов молодежи. Речь на III Всероссийском съезде Российского коммунистического союза молодежи. 2 октября

- 1920 г. // Ленин В.И. Сочинения. В 30 т. Изд. 2-е. Т. 30: 1899–1921. М., Л.: Госиздат, 1926. С. 403–417.
6. *Лемм С.* Солярис. М.: Дейч, 2008.
 7. *Луначарский А.В.* Мораль с марксистской точки зрения. Севастополь: Пролетарий, 1925.
 8. *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология. Критика новейшей немецкой философии в лице ее представителей Фейербаха, Б. Бауэра и Штирнера и немецкого социализма в лице его различных пророков // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. В 50 т. Т. 3. М.: Государственное издание политической литературы, 1955. С. 7–544.
 9. *Плеханов Г.В.* К психологии рабочего движения (Максим Горький, «Враги») // Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. В 5 т. Т. 5. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1958. С. 509–527.
 10. *Плеханов Г.В.* Ещё раз о войне. Второе письмо к Болгарскому социалисту. Сан-Ремо, 8 мая (нового стиля) 1915 г. // Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество. 1914–1918. В 4 т. Т. 4. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 150–180.
 11. *Плеханов Г.В.* О книге Фр. Лютгенау // Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. В 5 т. Т. 3. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1957. С. 302–312.
 12. *Плеханов Г.В.* Философские и социальные воззрения К. Маркса // Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. В 5 т. Т. 2. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1956. С. 450–453.
 13. *Соловьев В.С.* Оправдание добра. М.: Институт русской цивилизации, Алгоритм, 2012.
 14. *Троцкий Л.Д.* Их мораль и наша. URL: <https://www.marxists.org/russkij/trotsky/1938/moral.htm>.
 15. *Циолковский К.Э.* Мониизм вселенной. Калуга: Калуж. тип. Мосobl-полиграфа, 1931.
 16. *Циолковский К.Э.* Научная этика (написана в начале 1930 г.). Калуга: Гос. тип., 1930.
 17. *Циолковский К.Э.* Новая этика (Из монизма). Калуга: Гос. тип., 1926.

Sofia V. Glebova, Aleksandr O. Motronyuk, Elena A. Ovchinnikova

Problems of collective moral improvement in the Russian philosophical tradition

Abstract. Russian ethical tradition closely relates the idea of moral perfection to the role of the collective in the process of moral evolution, hence

makes the ideas of moral development of the moral agent dependent on the understanding of social progress. The article analyzes the interpretations of social, cultural and ethical conditions of moral perfection of society and the place of moral individual in the doctrine of V.S. Solovyov, Russian cosmism and Marxist-Leninist doctrine. The authors reveal the Russian philosophers' common requirement for the development of moral personality in accordance with the understanding of the ultimate goal of collective perfection. The teleological character of Russian philosophical doctrines largely determines the subordinate position of moral individuals. Related to this are ethical problems of full or partial implementation of the above moral doctrines, internal contradictions of their theoretical settings. The understanding of 'collectivism' as an ethical value with no alternative subordination of the individual to the goals of society is critically examined, which is very relevant in the framework of today's ideas about culture-forming values.

Keywords: moral improvement, moral progress, V.S. Solovyov, cosmism, Marxism, moral agent.

Glebova Sofia Valerievna – Candidate of Philosophical Sciences, Assistant Professor, Institute of Philosophy, St. Petersburg State University.

Motronyuk Aleksandr Olegovich – Master's student, Institute of Philosophy, St. Petersburg State University.

Ovchinnikova Elena Anatolievna – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Institute of Philosophy, St. Petersburg State University.